

РЕЦЕНЗИИ

Rinus van Schendelen, *Machiavelli in Brussels. The Art of Lobbying the EU*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2002, 344 p.

В книге подробно рассматриваются разнообразные формы и методы лоббирования интересов в Европейском Союзе. Лоббированием в Брюсселе занимаются не только организованные группы интересов, специализированные агентства и юридические канцелярии, но и неправительственные организации, регионы и органы самоуправления, а также правительства многих государств. Все эти субъекты стремятся активно влиять на процедуры принятия решений и правовой процесс, с тем чтобы получить, как парафразирует автор, *honey and money*. В отдельных главах книги Р. Шенделен пытается раскрыть суть феномена бурного развития лоббирования в институтах ЕС, а также сосуществования, а точнее сотрудничества и консолидации организаций, занимающихся лоббированием, профессиональных лоббистов с органами ЕС. Автор описывает повседневную практику, используя теоретическую базу и результаты проводимых им исследований. Каждый из субъектов лоббирования находит свой собственный способ влияния на тех, кто принимает решения, но некоторые из лоббистов действуют настолько изобретательно и точно, что достигнутые ими результаты особо выделяются на фоне достижений других субъектов. Автор много внимания уделяет поискам ответа на вопрос, почему одним это удастся лучше, чем другим. Суть исследования состоит в представлении различных аспектов деятельности субъектов, добившихся наибольшей эффективности в деле лоббирования интересов. Использование с целью иллюстрации анализа конкретных примеров, характеристика наиболее популярных методов и

удачных решений обогащают описание и помогают создать наиболее адекватную картину лоббирования в Брюсселе. По мнению автора, лоббирование представляет собой важный элемент современной демократии, понимаемый как одна из основных форм влияния на процедуру принятия решений и правовой процесс, с другой стороны – у него есть ряд ограничений, и иногда он используется в методиках, противоречащих закону. Р. Шенделен не упускает из виду и эти проблемы, подробно рассматривая их в заключительных разделах.

Книга состоит из восьми глав, в первых из которых рассматривается процесс принятия решений в ЕС, а также процесс европеизации сферы публичных интересов (*public affairs*) в государствах-членах ЕС. В последующих главах, напр., *Pushing the Buttons of Brussels*, *Managing the EU Arena*, *Managing the Fieldwork* автор пытается охарактеризовать специфические тенденции в управлении сферой *public affairs* в ЕС, а также выделяет важные факторы, влияющие на успех в деле лоббирования. Р. Шенделен поднимает ряд весьма существенных для лоббирования вопросов, а именно: кто в ЕС выступает в качестве лоббиста, почему, по каким причинам он это делает и с каким результатом. Пытаясь ответить на эти вопросы, автор анализирует процесс принятия решений в ЕС, а также деятельность лоббистских групп с точки зрения политологии, а также науки об управлении. Первая из названных дисциплин исследует, в частности, процессы влияния, рассматривая лоббирование как особый случай репрезентации интересов, в то время как вторая занимается анализом процесса достижения намеченных результатов. Концепция Никколо Макиавелли является одной из признанных моделей в обеих науках. Ссылаясь на Макиавелли, автор не эксплуатирует распространенную интерпретацию его идей как безоговорочное стремление к достижению собственной цели, а подвергает тщательному анализу разнородные факторы, оказывающие влияние на успех наших действий, в том числе выделенные Макиавелли *virtu* и *fortune*. Подобно тому, как великий итальянец считал, что эффективное управление является искусством, так и Р. Шенделен рассматривает лоббирование как искусство осуществления влияния, как мастерство в реализации намерений.

Р. Шенделен характеризует сферу *public affairs* в ЕС, подобно тому как функционалисты Аллмонд и Пауэлл анализировали политическую систему, и выделяет такие ее элементы: отправитель, каналы, влияние, арена и получатель, взаимодействия

и столкновения. Данная система представляет собой своеобразную закрытую структуру, которая, однако, подвергается воздействию внешнего окружения, усиливающего ее динамику и внутреннюю дифференциацию.

Автор представляет различные подходы к анализу лоббирования, но наибольшее внимание он уделяет анализу арены, где им отчетливо акцентируется разделение арены на четыре составляющих элемента: «пайщики» (англ. *stakeholders*), интересы, время, границы арены. Арена является базовой категорией, используемой Шенделеном. Она понимается здесь не как физическое место, а как сочетание множества факторов, оказывающих влияние на результат процесса принятия решения. Данный термин определяет ситуацию, от которой зависит ответ на вопрос: «Что следует предпринять?». В понимании Шенделена арена состоит из «пайщиков», в том числе представителей власти, включает конкретные интересы, относящиеся к данному досье в рассматриваемый промежуток времени. Следующим элементом арены, принимаемым в расчет, является время, которое как накладывает ограничения, так и открывает определенные возможности. Четвертым и последним элементом является сочетание всех интересов и пайщиков в конкретный момент времени. Оно никогда не знает никаких ограничений, но всегда изменчиво и динамично. Прежние пайщики могут устраняться, но на их место всегда приходят новые. Лоббисты часто сосредоточены только на анализе интересов и пайщиков, забывая о необходимости учета времени и границ. В силу этого знакомство с теорией может существенно повысить эффективность их действий. План действий профессиональных лоббистов является производной конкретной ситуации. По этой причине, прежде чем предпринять какие бы то ни было действия, следует произвести анализ арены. Для каждого досье лоббисты должны установить всех пайщиков, интересы, которые следует учитывать, соответствующий временной аспект и границы арены. Проведение анализа арены лоббирования дает профессионалам отчетливую картину, представляющую друзей и врагов, сопряженные с делом интересы, временной аспект, а также различия между лицами посторонними и вовлеченными в дело. Только после проведения анализа арены лоббист может определить, как именно осуществлять лоббирование, к кому обращаться, решение каких вопросов даст лучшие результаты при ограничении средств.

Книга не является практическим руководством для лоббистов, пробующих свои силы в Брюсселе, а представляет собой серьезное аналитическое исследование лоббирования, проведенное с точки зрения политологии и науки об управлении. Ее, несомненно, следует рекомендовать научным работникам, аспирантам и студентам, проникающим в тайники знаний в сфере *public affairs* на уровне ЕС. Издание демонстрирует, как по-новому можно попытаться представить явление лоббирования и как нужно строить в данной сфере необходимые теоретические модели. Заинтересует и расположит читателя также то, что Р. Шенделен в своем описании лоббирования не избегает художественного языка и метафорических сравнений. Не только название «*Machiavelli in Brussels*» имеет метафорическое звучание, но и в самом тексте появляется множество метафор; автор то сравнивает арену лоббирования с трамплином, с помощью которого можно легко подняться вверх, но и упасть на дно, то эмоции с торнадо, которые являются частью природы, но должны быть предсказаны и распознаны профессиональными группами интересов.

Работа Р. Шенделена представляет собой своеобразный итог многолетних исследований автора в области различных форм лоббирования в ЕС. Этому соответствует строение работы и структура глав. Автор, безусловно, оказывается перед нелегкой дилеммой, пытаясь выбрать необходимую форму анализа и исследовательский подход. Дело в том, что, с одной стороны, он стремился представить процесс европеизации сферы общественных интересов в государствах-членах ЕС, а также ход расширения публичного сектора на уровне ЕС, а с другой стороны – попытался исследовать механизм лоббирования и вычленил важнейшие его элементы.

Читатель получил довольно хорошо изданную книгу, снабженную красноречивой обложкой, представляющей фигуру Никколо Макиавелли на фоне здания Еврокомиссии в Брюсселе. Композиция книги прозрачна и ясна, в конце помещен предметный указатель и библиография, что может оказаться полезным в дальнейших научных разысканиях и исследованиях лоббирования.

Это не первая работа данного автора, посвященная лоббированию в ЕС. Ринус ван Шенделен в течение многих лет ведет исследования лоббирования различных интересов в Брюсселе. Он опубликовал около 200 статей на эту тему и несколько книг, из которых наиболее известны *Lobbying in the European Union*

(1993 г., Dartmouth, Aldershot) и *National Public and Private EU Lobbying* (1994 г., Dartmouth, Aldershot). Он является профессором политологии в роттердамском *Erasmus University* (Голландия), и одновременно – практиком лоббирования, который в течение многих лет проводит тренинги в сфере лоббирования и *public affairs* на уровне ЕС в *CLAN Public Affairs* в Брюсселе.

Исследовательский подход Р. Шенделена к анализу лоббирования на уровне ЕС не лишен, впрочем, недостатков. Несмотря на довольно подробный анализ связей лоббирования со сферой *public affairs*, в работе ощущается недостаток конкретных примеров и анализа случаев лоббистских кампаний, а ведь без соотнесения с практикой трудно понять реальный механизм продвижения интересов. Нельзя сказать, что в книге нет ссылок на конкретные случаи, автор, разумеется, иллюстрирует свои выводы примерами, но во время чтения чувствуется их недостаток. Кроме того, читатель, который впервые берет в руки книгу, описывающую явление лоббирования, несомненно, столкнется с трудностями в понимании того, в чем же на деле состоит суть лоббирования. Р. Шенделен не дает ясных и четких дефиниций, не определяет границ и возможностей той или иной формы лоббирования, а оперирование слишком абстрактными понятиями арены, системы, каналов влияния, внешнего окружения и т. д. приводит к тому, что неопытный читатель может столкнуться с серьезными проблемами в понимании основных тезисов автора. Однако более искушенного адепта лоббирования такой новаторский подход к теме, несомненно, не оставит равнодушным и подтолкнет к дальнейшим шагам в изучении феномена лоббирования в ЕС.

Уршуля Курчевска

Ernst-Ulrich Petersmann , Mark A. Pollack (eds.), *Transatlantic Economic Disputes. The EU, the US, and the WTO*, International Economic Law Series, Oxford University Press, New York, 2003, 606 p.

Соединенные Штаты и Европейский Союз – две самых крупных экономики в мире. Масштаб трансатлантических экономических отношений превышает все иные объемы существующих ныне форм экономического взаимодействия.

Взаимные торговые и инвестиционные связи углубляются, и зачастую именно растущая взаимозависимость приводит к неизбежности появления некоторых спорных проблем. Правда, споры касаются едва лишь 1-2% двустороннего торгового обмена и инвестиций, но их отзвук очень значителен. В результате этих разногласий экономические отношения приобретают все более политический характер, ибо нынешние источники конфликтов зачастую касаются внутренней политики, изменения в которой провести гораздо труднее, чем снизить пошлины.

В июле 2001 г. и мае 2002 г. флорентийский *European University Institute* организовал две международные конференции в рамках проекта, касающегося предупреждения и разрешения споров в трансатлантическом партнерстве. Их результатом является обширная публикация под редакцией координаторов проекта – Эрнста-Ульриха Петерсманна и Марка А. Поллака, в которой можно обнаружить не только очень подробный анализ важнейших спорных вопросов в трансатлантических экономических отношениях, но также более общий взгляд на источники этих споров и способы предупреждения и разрешения их в свете экономических, политологических или правоведческих теорий. Авторами являются выдающиеся знатоки тематики: высокопоставленные чиновники из ЕС и США, занимающиеся торговой политикой, бывшие члены Органа разрешения споров ВТО, юрисконсульты ВТО, Европейской комиссии, Бюро Представителя по вопросам торговли Соединенных Штатов, а также американские и европейские эксперты в области права, экономики и политики.

Самой интересной частью книги является анализ четырнадцати спорных вопросов в трансатлантических экономических отношениях. Эти споры касаются почти всех возможных проблем международной торговли: пошлинных рестрикций (импорт бананов в ЕС), субсидий для предприятий (дополнительные предписания, касающиеся американских предприятий, экспортирующих свои товары), технических барьеров в торговле (устройства, поглощающие шум в самолетных двигателях, – *hushkits*), внутренней политики, например, в области здравоохранения (*ГМО*, мясо, содержащее гормоны), защиты прав интеллектуальной собственности (*US - Section 211 Omnibus Appropriations Act 1998*, касающийся товарного знака *Navana Club*), применения защитных механизмов, антидемпинговых действий и компенсационных пошлин (поправка Бирда к

Dumping and Subsidy Offset Act of 2000). Авторы наиболее возможным и подробным образом объясняют причины возникновения спора, процедуру его разрешения и ряд других проблем, заслуживающих внимания в связи с возникшим конфликтом.

Широкий веер спорных проблем в трансатлантических отношениях склоняет к выделению нескольких их важнейших источников. Эрнст-Ульрих Петерсманн различает четыре категории споров.

Первая из них охватывает споры, источником которых является применение инструментов дискриминации в торговле (импортных рестрикций, экспортных субсидий), не соответствующих предписаниям ВТО, ратифицированным парламентами обеих сторон. Две самые важные из них подробно рассмотрены во второй части книги. Фредл Вайсс (*Manifestly Illegal Import Restrictions and Non-Compliance with WTO Dispute Settlement Rulings: Lessons from the Banana Dispute*) анализирует спор, источником которого было предоставление избранным государствам преимущественных условий экспорта бананов на европейский рынок. Автор обращает внимание, в частности, на то, как забота о защите интересов нескольких американских частных предприятий переродилась в один из самых продолжительных споров и политических тестов для трансатлантических отношений. В другой главе (*Industrial Subsidies: Tax Treatment of 'Foreign Sales Corporations'*) Роберт Хьюдек представляет важнейшее дело между ЕС и США о промышленных субсидиях, которое рассматривает ВТО. Обжалование закона, принятого Конгрессом США, об освобождении от налогов американских экспортеров закончилось решением Органа разрешения споров (ОРС) о возможности наложения Евросоюзом санкций на импорт товаров из США стоимостью 4,04 млрд. долларов. Вопреки предположениям автора (С. 203-204), в октябре 2004 г. Конгресс отклонил обжалованный закон, хотя следует подчеркнуть, что в списке товаров, охваченных санкциями ЕС, были товары, экспортируемые производителями из тех штатов, в голосах жителей которых президент Буш особенно был заинтересован накануне приближавшихся выборов. Поэтому не авторитет ВТО, не аргумент о примате американского законодательства над международным, а внутренний политический расчет определил отношение к решению ВТО. Данный случай подтверждает положение Петерсманна о том, что избирательные циклы и предписания, касающиеся финансирования избирательных

кампаний, влияют на использование сомнительных инструментов торговой политики или процедуры разрешения споров (С. 34).

Вторая категория – это «регуляционные споры», касающиеся противоречащих друг другу внутренних предписаний, затрудняющих доступ определенных товаров на данный рынок. Регулирования этого типа нередко возникают вследствие сотрудничества регуляционных органов с группами производителей, которые, добиваясь введения определенных предписаний, пытаются получить более выгодную позицию на рынке по отношению к зарубежным производителям. Но это не единственная причина. Широко рассматривает споры «нового типа» Марк А. Поллак во второй главе книги (*The Political Economy of Transatlantic Trade Disputes*). Он замечает, что, наряду со снижением пошлин и импортных квот – т. е. традиционных барьеров в торговле – и одновременным ростом внутренних регулирований в ответ на усиленную заботу об окружающей среде, защиту прав потребителей и охрану общественного здоровья, в девяностые годы XX и в начале XIX века количество «регуляционных споров» катастрофически возросло. В то же время споры, касающиеся внутренних предписаний, принятых в результате публичных дискуссий и во имя общественно важной цели, представляют собой большую проблему для системы ВТО, так как проигравшая сторона потенциального спора будет испытывать затруднения в исполнении решений ВТО. Поэтому многие споры этого типа решаются вне системы ВТО, в ходе двусторонних консультаций, дабы избежать риска трудного для реализации решения ОРС.

Важнейшей спорной проблемой в трансатлантических отношениях, касающейся внутренних регулирований, являются предписания Европейского Союза о безопасности продуктов питания. Рестрикции, ограничивающие импорт говядины, содержащей гормоны, были предметом одного из немногих регуляционных споров, рассматривавшихся в системе ВТО. Подробно это дело исследует Петрос Ц. Мавроидис в главе *The Trade Disputes Concerning Health Policy Between the EC and the US*.

Петерсманн выделяет другую группу споров, связанных с регулированиами, названную «спорами высокой политики» (*high policy disputes*). Данная группа охватывает споры, касающиеся предписаний, которые имеют экономические послед-

ствия, выходящие за пределы территории государства, в котором эти предписания действуют. Введенные для целей внешней политики, они чаще всего имеют характер санкций, наложенных на определенное государство, но ставят под удар экономические интересы государств, которые не применяют таких санкций. В книге рассматриваются два примера споров этого типа. Особенно интересен случай, рассматриваемый Мэтью Шеффером в главе *Lesson from the Massachusetts Act Regulating State Contract with Companies doing Business with Burma (Myanmar)*. Кроме дискриминации по отношению к зарубежным предприятиям, ведущим экономическую деятельность в Мьянме, закон, принятый штатом Массачусетс, противоречил международным обязательствам, взятым на себя федеральным правительством США. Поэтому он был обжалован в ВТО не только Евросоюзом, но и американским союзом международных предприятий, которому удалось добиться отклонения закона в федеральном суде.

Учитывая причины введения предписаний, автор считает, что ни США, ни ЕС не заинтересованы в рассмотрении проблемы, относящейся к сфере внешней политики, на форуме ВТО, а более действенной инстанцией являются внутригосударственные суды (С. 355) или двусторонние соглашения, о чем свидетельствует случай спора по поводу *The Caban Liberty and Democratic Solidarity Act* (закона, широко известного как *Helms-Burton Act*), рассматриваемого в следующей главе книги.

Четвертая категория – международные споры об охране частных прав. Их причиной являются действия частных предприятий, направленные на защиту собственных интересов в ситуации, когда они нарушаются определенными предписаниями или действиями. Поскольку зачастую спорный вопрос касается факторов, возникших за рубежом, потерпевшая группа интересов старается включить правительство в борьбу за свои права. Таким образом частное дело становится предметом международного спора. Пример этого – спор под названием *Havana Club*, который является темой дискуссии Фредерика Аббо и Тома Коттьера, представленной в главе *Dispute Prevention and Dispute Settlement in the Field of Intellectual Property Rights and Electronic Commerce: US-Section 211 Omnibus Appropriations Act 1998 (Havana Club)*. Заключение проф. Аббо показательное: спор между Перно Рикаром, французским дистиллятором и дистрибьютором, и Бакарди-Мартини, американским дистиллятором и дистрибьютором, должен быть

решен как частный торговый спор, а не как системный тест принципов системы мировой торговли. Из-за политизации спора ЕС и США придерживались позиций, которые, вероятнее всего, противоречили их долговременным торговым интересам (С. 430). Именно этот пример представляет собой важный аргумент в пользу тезиса, часто появляющегося в книге: о необходимости «децентрализации», т. е. возможности участия частных сторон в разрешении торговых споров и освобождения таким образом правительственных органов от дел, которые касаются узкой группы частных интересов.

Разнородность спорных проблем и попытка найти лучшие способы их решения склоняет Петерсманна к выделению двух других категорий. Первая из них – «первичные международные споры» (напр., о недискриминирующих требованиях к маркировке генетически модифицированных продуктов питания) – отражают конфликт ценностей и регуляционные «конфликты между государствами», которые лучше всего предупреждать и разрешать путем международной координации политики, регуляционного сотрудничества или переговоров о новых принципах торговли. Вторая категория – «вторичные международные споры» (напр., о применении дискриминационных инструментов, противоречащих международному или внутреннему законодательству) – относятся к «конфликту интересов внутри государств», которые лучше всего предупреждать и разрешать с помощью внутреннего законодательства и отечественных судов. Как замечает автор, много *case-studies* доказывает, что трансатлантические споры не должны были приобретать характер, требующий применения процедур международного решения споров, если бы внутренние суды признали, что применение соответствующих средств противоречит соглашениям ВТО (С. 60).

Анализ важнейших трансатлантических экономических споров, их классификация, идентификация их причин, политические последствия, а также способ разрешения, по мысли координаторов проекта и редакторов книги, должны были помочь в выполнении существенной задачи – исследовании предпосылок, практической ценности и слабости различных теорий права, политики и экономики в области предупреждения и разрешения международных экономических споров. Это, в свою очередь, должно было составлять основу для выработки рекомендаций о том, каким образом улучшить предупреждение и разрешение трансатлантических споров.

Всемирная организация торговли и ее система разрешения споров является основной инстанцией, в которую подаются жалобы на применение протекционистских торговых инструментов. Марк Л. Буш и Эрик Райнхардт в главе *Transatlantic Trade Conflicts and GATT/WTO Dispute Settlement* анализируют историю трансатлантических споров, разрешаемых в системе Генерального соглашения по торговле и тарифам (GATT) и ВТО, и приходят к выводу, что эти системы малопродуктивны в случае наиболее сложных спорных проблем (импорт бананов Евросоюзом, мясо, содержащее гормоны). Оказывается также, что многие споры могут решаться еще на этапе консультаций, до объявления отчета панели. Это свидетельствовало бы о большей – чем правомочное решение Органа разрешения споров (ОРС) – успешности дипломатии при решении трансатлантических конфликтов особой важности. Среди рекомендаций авторов появляется предложение не лишать этот этап его закулисного характера, делающего возможным большую гибкость сторон и меньшее давление со стороны отечественных групп интересов (С. 484). Тем не менее, реформа системы разрешения споров необходима (быть может, она произойдет в рамках *Doha Development Agenda*), а одним из важнейших недостатков, от которого необходимо избавиться, является возможность долговременного сохранения в силе предписаний, которые по решению ОРС были признаны не соответствующими соглашениям ВТО. На это обращают внимание Хайнц Хаузер и Александр Ройтингер в следующей главе – *Renegotiation in Transatlantic Trade Disputes*. По их мнению, суровость и невозможность обжалования решений ОРС лишают проигравшего желания выполнять данные решения или продлевают сроки их исполнения, особенно в ситуации, когда стоимость исполнения требований ОРС относительно низка. Авторы выступают за большую гибкость и предлагают повторные переговоры, т. е. двусторонние переговоры, направленные на выработку решения, соответствующего интересам обеих сторон, как наиболее результативный механизм разрешения споров (С. 497).

Другой существенной проблемой является вопрос о том, как лучше всего предупреждать споры. Соединенные Штаты и Европейский Союз выдвинули соответствующую инициативу с этой целью в рамках Трансатлантического экономического партнерства, названную Системой раннего предупреждения (*Early Warning System – EWS*). Она должна была сделать воз-

возможным постоянное информирование партнера о проектах предписаний или планируемых действиях в области торговой политики во избежание возможных споров. По мнению Вернера Менга, EWS является верной инициативой, ибо ее успешное функционирование уменьшает расходы на разрешение споров, а избежание конфликтов способствует осторожному планированию действий правительства и учету их экономических последствий (С. 515). Однако необходимо отметить, что данная система еще не функционирует так, как предусматривали ее создатели. Это, главным образом, связано с недостаточным сотрудничеством в рамках трансатлантического диалога законодателей, которые создают умозрительные предписания, а голос участников *Transatlantic Business Dialogue*, которые сильнее других заинтересованы в наиболее выгодных экономических отношениях, по-прежнему имеет очень слабое влияние на принятие решений.

Неизмеримо существенной проблемой остается участие частных субъектов – союзов предпринимателей или индивидуальных предприятий – в процессе создания принципов международной торговли и судебных разбирательствах, направленных против действий правительства другого государства. Один из авторов замечает, что подход, при котором физические и юридические лица являются адресатами норм, но не являются, в отличие от государств, субъектами международного права в узком смысле, не соответствует ни сложности современной системы международного права, ни нынешней ситуации, в которой система международного права переплетается с правовыми системами отдельных государств (С. 460). Таким образом, что мешает допустить частные стороны к участию в системе разрешения споров, касающихся международной торговли? Как утверждает Джоэль Т. Трахтман в главе *Private Parties in EC-US Dispute Settlement at the WTO*, от государств можно ожидать, что их уровень стимулов к развязыванию споров близок к оптимальному. У частных сторон могут быть стимулы к чрезмерному предъявлению исков и развязыванию споров (С. 544-545), что могло бы иметь негативные последствия не только для двусторонних отношений, но также для общественных интересов.

Рекомендаций по лучшему предупреждению и разрешению трансатлантических экономических споров много. Подробный анализ важнейших из них, а также более тщательное рассмотрение уже существующих механизмов позволяют

авторам поставить правильный диагноз. Учитывая растущее количество регуляционных споров, необычайно существенным представляется серьезный подход к сотрудничеству между учреждениями ЕС и США, создающими предписания, вызывающие споры. Как утверждает один из авторов, по обе стороны Атлантики многие предписания создаются изолированно, без учета их международных последствий (С. 562). Диалог законодателей в рамках Трансатлантического партнерства не приносит ожидаемых результатов, так же, как Система раннего предупреждения. Хотя совершенная и постоянная прозрачность в этой плоскости невозможна и неисполнима с точки зрения непрерывности деятельности государства, могли бы быть созданы специальные процедуры для как можно более раннего обозначения разногласий по определенным вопросам. Некоторые различия во взглядах, ведущие затем к возникновению наиболее трудных для разрешения споров, можно несколько нейтрализовать путем сотрудничества соответствующих агентств (напр., по вопросам продуктов питания), благодаря чему можно было бы выработать общие стандарты и достигнуть соглашения по взаимному распознаванию продукции. К сожалению, агентства, вместо того чтобы сотрудничать, доказывают друг другу свою правоту.

Если говорить о разрешении споров, рекомендации авторов сосредоточены на улучшении существующих механизмов. Решение торговых споров – одна из ключевых функций ВТО. Однако проблема состоит в том, что трансатлантические споры, которые не удалось решить путем двусторонних переговоров, зачастую имеют прецедентный характер, а предписания, содержащиеся в соглашениях ВТО, не настолько ясны, чтобы сделать невозможной их вольную интерпретацию. Поэтому улучшение прозрачности предписаний должно быть предметом работы на форуме ВТО, возможно, даже в рамках *Doha Development Agenda*. Другой проблемой остается доступ частных субъектов к судам. Некоторые авторы, например, Петерсманн, склоняются к мнению, что частные субъекты должны иметь возможность обжалования в отечественных судах предписаний и действий правительства, не соответствующих соглашениям ВТО, но выгодных для *rent-seeking* групп интересов (фермеров, производителей одежды, металлургов). В результате, по его мнению, «общественные интересы», понимаемые как благосостояние потребителей и гражданское равноправие, не поддерживаются правительствами ЕС и США

(С. 581). Утверждение довольно категорическое, но, оценивая протекционистские действия в свете экономической теории, несомненно, верное.

В картине, которая возникает после прочтения книги, трудно уловить явные предпосылки для реализации концепции, о которой пишут также авторы в своих рекомендациях, – создания Трансатлантической зоны свободной торговли. По-прежнему есть множество разногласий, а экономические отношения всегда характеризуются как сотрудничеством, так и соперничеством. И эта ситуация выгодна обеим экономикам, если складывается в рамках согласованных правил. Что происходит, когда данные принципы не соблюдаются или когда создаются новые принципы, которые не нравятся другой стороне, прекрасно представляет книга под редакцией Петерсманна и Поллака. История спорных проблем в трансатлантических экономических отношениях много говорит о том, в каком направлении движется мировая экономика и какие препятствия стоят на пути к свободной международной торговле. Особое внимание авторы посвятили тому, как предупреждать такие препятствия и справляться с ними. Только бы люди, имеющие влияние на решение данных проблем, нашли время прочитать эту ценную книгу и извлечь из нее полезные выводы.

Артур Градзюк

Grzegorz Ekiert, Stephen E. Hanson, *Capitalism and Democracy in Central Europe*. Cambridge University Press, New York 2003, 375 p.

Крушение европейского коммунизма в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привело в движение один из самых драматичных процессов, когда бы то ни было происходивших в мировой истории. Демократические преобразования и переход к свободному рынку в Центральной и Восточной Европе и бывшем СССР, названные Сэмюэлом Хантингтоном «третьей волной» демократизации, затронули жизнь миллионов людей, живущих ныне в 27 различных государствах. Не удивительно, что природе этих изменений, а также анализу успехов и неудач, с ними связанных, посвящено огромное количество научных исследований. Но, несмотря на всю широту диапазона уже опубликованных трудов на данную тему, авторам сборника

«Капитализм и демократия в Центральной и Восточной Европе» (под ред. Г. Экерта и С. Е. Хансона) удалось внести существенный вклад в идущую дискуссию – как чисто эмпирически, так и в плане методологии. Вклад этот не ограничивается конкретным анализом, который явился основой рецензируемой нами книги – ее авторам, бесспорно, удалось заложить фундамент целого ряда потенциальных исследований в данной области.

Уже в вводной главе Экерт и Хансон ясно дают понять читателю, что собираются изучать не только эмпирические данные, касающиеся перехода к посткоммунистической ситуации, но также и то, каким образом эти трансформации следует исследовать, чтобы добиться в итоге максимальной результативности. Вопрос о соотношении между контекстуальным и теоретическим подходами к общественным наукам будет не раз рассматриваться по ходу книги несколькими ее авторами, поставившими перед собой задачу примирить между собой эти две, казалось бы, взаимоисключающие модели. Экерт и Хансон признают, что в прошлом «региональным исследованиям часто вредило чрезмерное внимание, уделяемое уникальным феноменам и результатам, а также тенденция прибегать к упрощенной нарративности для отображения всех сложностей той или иной конкретной исторической ситуации или эпохи» (С. 16). Хотя подобный подход выглядит привлекательным на историческом уровне, его применение исключает возможность выведения какой бы то ни было обобщающей теории причинно-следственных связей, которую можно было бы в дальнейшем использовать в других общественно-научных исследованиях.

Тем не менее, жестко формалистический теоретический подход отнюдь не принимается авторами на вооружение во всей его полноте. Так, ими осуждаются попытки некоторых ученых рассматривать весь посткоммунистический мир в качестве некоей «вселенной, состоящей из идентичных ситуаций» (С. 16), и тем самым игнорировать весьма реальные отличия исторического опыта стран данного региона исключительно ради возможности избежать необходимости выступить с концептуальными разъяснениями происходящего. Делая такое заявление, Экерт и Хансон четко определяют одну из основных погрешностей, присущих недавней тенденции рассматривать общественные науки с чисто теоретической точки зрения: давать разъяснения, основанные на формулах, что,

возможно, и удобно для трактовки иных схожих ситуаций, но несет в себе опасность серьезных искажений в случае полного игнорирования контекстуальных факторов. Попытка выделить специфическую переменную, могущую объяснить причинно-следственную связь, может увенчаться успехом только в том случае, если константы, определенные исследователями, действительно постоянны. Пытаясь как можно скорее найти теоретические обоснования причинно-следственной связи, ученые часто игнорируют или минимизируют существенные различия, присущие их выборке. А это неизбежно не только сказывается негативно на выводах, сделанных в ходе соответствующего исследования, но и ставит под вопрос общую применимость теорий, выдвигаемых их авторами. Зачастую, пытаясь как можно быстрее найти теоретические обоснования причинно-следственных связей, ученые игнорируют или минимизируют существенные различия, характерные для их выборки. Это, в свою очередь, неизбежно ставит под сомнение не только выводы, полученные в ходе исследования, но и общую применимость выдвигаемых теорий.

Во всех главах тома делается попытка решить вопрос об этой дихотомии между контекстуальным и формализованным анализом. Действуя таким образом, авторы рассматривают целый ряд независимых переменных, способных объяснить разницу в уровнях успеха, достигнутого различными странами региона в процессе перехода к рынку и демократии, причем пространственные и временные факторы анализируются ими с помощью различных методологий. Акцентируя именно эти аспекты, обычно ассоциируемые с причинно-следственными связями, исследователи смогли полностью избежать излишней упрощенности, которая всегда имеет место, когда регион рассматривается как единое целое, а весь накопленный там опыт – как порождение единого для всех коммунистического прошлого. Результаты работы, проделанной авторами, можно без преувеличения назвать ценным вкладом в дело научных исследований в данной области.

В эмпирическом плане «Капитализм и демократия в Центральной и Восточной Европе» представляет собой анализ широкого спектра различных факторов, потенциально определяющих успешность демократических преобразований. Поскольку данная книга посвящена в основном анализу факторов пространственного и временного характера, она композиционно состоит из двух частей, к первой из которых

относятся главы, где исследуются географические тренды и трактовки, а ко второй – главы, анализирующие различные формы исторического наследия и их влияние на институциональные реформы или возрождение институтов. В целом, географические трактовки, предлагаемые авторами, призваны объяснить причины возникновения ощутимой разницы между уровнем экономического и политического развития Центральной Европы – сравнительно высоким – и значительно более низким уровнем такого развития в Центральной Азии и на Балканах. Среди наиболее интересных и становящихся все более правдоподобными гипотез, содержащихся в книге, можно назвать предположение о наличии связи между успешностью преобразований и существованием прочных отношений с Западной Европой, и особенно – с ЕС.

В главе «Посткоммунистические пространства: политико-географический подход к трактовке результатов посткоммунистического развития», принадлежащей перу Джеффри С. Копстейна и Дэвида А. Рейлли, делается вывод, что географическая близость к ЕС и взаимодействие с ним оказали явно положительное влияние на успешность политического и экономического переустройства, в том числе на сглаживание институциональных различий между регионами. Отнюдь не отрицая важности внутренних политических факторов, Копстейн и Рейлли, тем не менее, утверждают, что все действия Евросоюза в этом отношении сводились к «обеспечению критически необходимого толчка извне, изменившего внутренние интересы в пользу осуществления некоторых ключевых задач посткоммунизма» (С. 143). В отличие от Центральной Европы, центральноазиатские и балканские страны, чьи шансы на скорое вступление в Евросоюз весьма туманны или вообще равны нулю, не подвергались внешнему давлению, столь явно проявившемуся в случае таких стран, как Польша, Венгрия и Чешская Республика, а потому и не провели у себя необходимые реформы. Этот вывод нельзя не назвать в высшей степени своевременным, если учитывать, что ЕС сегодня готовится к началу переговоров о присоединении к нему Турции и пересматривает свои отношения с быстро меняющейся Украиной.

Хотя существование данной корреляции абсолютно несомненно, остается без ответа следующий фундаментальный вопрос: почему интерес, который испытывает ЕС к посткоммунистическому миру, больше не выказывает тенденции к росту? Так, Копстейн и Рейлли уделяют достаточно внимания

причинам, обусловившим участие ЕС в делах, например, Польши, а также быстрый успех переговоров о ее членстве в Евросоюзе – чем не может похвастаться Украина. В главе «Модели посткоммунистической трансформации в Центральной и Восточной Европе» Экерт – ее автор – предлагает следующее объяснение данного феномена: интерес со стороны ЕС был вызван политической и экономической ситуацией в Центральной Европе, а также началом институциональных реформ в этих странах. Но даже Экерт, признающий всю важность данного вопроса, не анализирует его вглубь, как не анализирует и возможности того, что первоначальный интерес, продемонстрированный ЕС, явился, скорее, результатом, а не причиной лучших шансов на осуществление демократических преобразований в некоторых странах.

Остальные авторы высказали точку зрения, что ЕС в течение длительного времени рассматривал Польшу, Венгрию и другие центральноевропейские страны как своих партнеров, разделяющих общие ценности западной цивилизации – фактор, возможно, усиленный общностью религиозного или исторического наследия. Если это утверждение соответствует действительности, может оказаться так, что переход Центральной Европы к демократии и рынку увенчался успехом в первую очередь благодаря этому «наследию Запада», а не развитию ее отношений с остальной частью континента. В целом же, – хотя теория, согласно которой влияние со стороны ЕС и манящая перспектива членства в Евросоюзе могут оказать решающее позитивное влияние на внутреннюю политику в посткоммунистических странах, выглядит вполне многообещающей, – исследователям предстоит еще много поработать, чтобы объяснить, почему вышеупомянутые отношения только сейчас начинают распространяться на государства, в свое время входившие в советскую сферу влияния.

Обсуждая временные факторы, влияющие на особенности перехода к демократии в отдельных странах, авторы сборника педантично следуют точке зрения Экерта и Хансона относительно существования различий между понятиями «наследие ленинизма» и «наследие государственного социализма», которую те высказали во вводной главе книги. Понятие «наследие ленинизма» относится ими к жестким институциональным схемам, внедрявшимся по всей коммунистической Европе в соответствии с доктриной ленинизма. Понятие «наследие государственного социализма» распространяется при этом лишь

на устойчивый социально-политический климат, возникший на этих территориях в коммунистический период (С. 19-20). Данное различие весьма важно для объяснения причин того, почему страны региона пошли к демократии и рынку разными путями. В начале коммунистического господства в регионе ленинизму удалось насадить там достаточно стройные институциональные аппараты, но степень эффективности этих институтов и проводимой ими политики была различной в каждом отдельном случае – в зависимости от места и времени. Так, хотя Польше и России был присущ целый ряд общих институциональных признаков, их опыт жизни при коммунизме оказался фундаментально различным. Об этом явственно свидетельствуют уступки, сделанные частному сектору в сельском хозяйстве Польши, сохранение в этой стране значительного влияния католической церкви, а также возникновение там диссидентского рабочего движения 1980-х гг., тогда как для Советского Союза были свойственны жесткая коллективизация и политическая гегемония партии.

Хотя главы, посвященные преимущественно временному анализу, охватывают самый широкий круг сюжетов – от конституционного строительства в посткоммунистических странах до проводимой там социальной политики, в рассмотрении феноменов политического и экономического характера все авторы четко придерживаются принципа выявления причинно-следственных связей, обусловивших их возникновение. Этот подход сделал возможным эффективный анализ всех изучаемых явлений – от влияния внутрипартийных реформ коммунистического периода на жизнеспособность партий, возникших на бывшей коммунистической основе, до того, каким образом на посткоммунистическую социальную политику влияют политические и экономические кризисы. Будучи поставленными в тесные временные рамки, предлагаемые описания могут показаться некоторым исследователям слишком сиюминутными, а поэтому и не применимыми на более общем уровне. Однако, если различные пути развития рассматриваются в контексте попыток введения относительно однородных ленинистских структур на заре коммунистической эры, то такой подход к проблеме явно помогает ученым лучше понять важность роли пространственных и временных факторов в определении финальных социополитических результатов.

Пол Пирсон в главе «Эпилог» наиболее убедительно среди всех авторов сборника отстаивает тезис о том, что анализ причинно-следственных связей является необходимым элементом

социально-политического анализа в целом. Пирсон подчеркивает, что участники социального и политического процесса действуют отнюдь не в вакууме. Более того, «понимание ими того, что они из себя представляют и кем они хотят стать», во многом определяется «конкретным социальным контекстом». Таким образом, Экерт и Хансон оказываются правы, рассматривая пространственный и временной анализ причинно-следственных связей как неотъемлемую часть любого подробного исследования путей перехода к рынку и демократии в Центральной и Восточной Европе (С. 355).

Однако, как указывает Пирсон, все это не должно служить обоснованием для чисто описательного или причинно-следственного подхода к проблемам социальной науки. Напротив, полученные выводы являются признанием того, что события не происходят в отрыве от окружающей обстановки и что между ними и предшествующими событиями и процессами существует четкая связь. От этих факторов, отнюдь не внешних и малозначимых, и зависит исход развития той или иной политической или экономической ситуации. Следовательно, в ходе любых попыток вывести точные обобщающие теории – когда речь идет о создании гипотез относительно взаимосвязей между различными событиями и процессами – следует уделять особое внимание причинно-следственному контексту, в котором они происходят.

«Капитализм и демократия в Центральной и Восточной Европе» представляет собой успешное исследование ряда аспектов происходящей в этом регионе трансформации – какими бы путями она ни шла. Но еще более важным представляется тот факт, что авторы книги достаточно подробно проанализировали комплекс методологий, применяемых в социальной науке. Даже в тех случаях, когда в эмпирическом плане проделанный анализ нуждается в углублении и расширении, можно сказать, что авторам все же удалось заложить жизнеспособную и связанную основу для будущих исследований, а также четко наметить их рамки. Учитывая всю сложность данной темы, многие аспекты которой еще не получили своего окончательного развития, уже одно это представляет собой немалое достижение.

Марк Мэламед

Hanna Buczyńska-Garewicz, *Milczenie i mowa filozofii*,
Wydawnictwo IFiS PAN, Warszawa 2003, s. 231

Современный человек отвернулся от мира духовных ценностей. Его поглотила материя. Ее конкретность, осязательность создали иллюзию, перед которой он не смог устоять. Человек пытался самоопределиться, прибегая к собственной физичности, к произведениям культуры, языка. Однако ни один полученный таким путем ответ не удовлетворил разум жаждущего познать окончательную истину. Это обстоятельство повлекло за собой заметный кризис ценностей в практической жизни. Захватывающее и вместе с тем тревожное развитие отдельных наук позволило человеку вторгнуться в доступную ранее лишь Богу сферу формирования человеческого существа. В то же время почти полностью атрофировалась наша способность определять цель, к которой мы стремимся, или хотя бы понимать, что же мы такое. Мы предпринимаем попытки выработать критерий человеческого, прибегая к расшифровке свойственного человеку генетического кода. Нам уже не до души, не до разума, нам нет дела до незапятнанной чести – нас интересует лелеемая современным миром информация!

Атрофия светских ценностей сопровождается кризисом ценностей христианских. В случае большинства европейцев (это относится также к полякам) словесная декларация религиозности никак не преломляется в практической жизни. Все чаще сущностью цивилизации мы считаем деньги, а целью человеческой жизни – жадное умножение материальных благ. Мы не стремимся жить в ладу со всеми, хотим жить в достатке. Это очень беспокоит, поскольку, хотя религия и не имеет монополии на нравственность, она всегда была для нее прекрасной теоретической основой. Не ученые, а светские и религиозные моралисты должны напоминать нам о необходимости дарить себе и своим ближним любовь и уважение. Их задача – представить нам достаточные аргументы, согласно которым следует избегать войны и заботиться о сохранении мира. Они должны отодвигать от нас опасность повторения ситуации, когда какой-то человек или группа людей сочтет лишь часть человечества достойной своего звания, после чего, стремясь к сохранению чистоты расы, начнет ликвидировать ущербные и дегенеративные элементы. Селекция в этом случае производилась бы уже не на основании измерения длины окружности головы, а благодаря гораздо более точному иссле-

дованию генетического кода индивидуума. Это позволило бы установить многочисленные поколения его предков. По вышеназванным причинам ясно возникает необходимость возврата к традиционной философии морали. Собственно это и является целью работы г-жи Ханны Бучиньской-Гаревич.

«Молчание и слово философии» является поистине героической попыткой протеста против совета Виттгенштейна молчать о том, чего нельзя говорить, и против аналитической философии, сводящей метафизические размышления к анализу языка. Проблемы свободы, справедливости, добра, ответственности, порядочности, правды и смысла жизни являются неотделимым элементом человеческого существования. Даже если мы упрямо решим принять предпосылку, согласно которой подобные размышления будут совершенно лишены смысла, мы не сможем тем самым выбросить их из нашего сознания. Они будут возвращаться вопреки нашей воле, как призраки. Единственной возможностью избавиться от них будет начало диалога. Диалога, который будет ценен уже тем, что станет попыткой ответа, даже если результат его будет ошибочным. Хотя поиск не всегда дает положительный результат и зачастую обречен на неудачу и заблуждения, он является, несмотря ни на что, гораздо более желательным и ценным, чем разрушающая мышление стагнация, вытекающая из идентичности взглядов. Полемичность, как признается автор, является постоянным свойством философии. Более того, философия является единственной сферой, которая обязательно анализирует собственную сущность. Сам факт ее существования для нее недостаточен. Так же и человеку недостаточно факта собственного материального существования для того, чтобы уловить конституирующую его бытие сущность.

Стороннему наблюдателю философия кажется собранием противоречивых, взаимоисключающих формул. Кроме того, принципиальный предмет философии остается неизменным с самого начала ее возникновения. Это не результат нездоровья данной дисциплины, а следствие лежащего в основе философской рефлексии постоянного удивления. Это удивление вытекает из более глубоких источников, чем философские, из сопровождающей человека неутоленной потребности постоянного затрагивания проблем, принадлежащих к своеобразной межчеловеческой сфере. Каждая философская концепция, даже если она отрицает многие предшествующие ей

решения, остается с ними в тесной связи, вытекает из них и при этом обуславливает новые, еще только способные появиться точки зрения. Противоречивость философии оказывается лишь видимостью. Фактом, как доказывает автор, является ее внутреннее единство.

Философия – источник обоснований для политических, социальных, хозяйственно-экономических, юридических действий и теорий и даже для тех, которые связаны с точными науками – такими, как биология, химия, физика или математика. Она обосновывает их правомерность и открывает перед человеком их смысл, ради которого вообще стоит предпринимать связанные с ними усилия. Понятие общего блага, на которое так любят ссылаться политики, является понятием чисто философским, не говоря уж об общественном договоре, демократии или свободе. Если бы по мановению волшебной палочки философия исчезла, могло бы оказаться, что политикам, социологам, биологам и всем открещивающимся от нее неблагодарным совершенно нечего было бы нам сказать. Конечно, можно законодательно ввести понятие свободы, очертить его рамки и связанные с выходом за их пределы санкции, но ничего более. Ибо обоснование введенного закона является прерогативой философии. Каждый человек в своей обычной жизни постоянно обращается к философии, хотя большинство из нас делает это бессознательно. Мы охотно поддакиваем народной мудрости, заключенной в пословице: «чего сам не любишь, того и другому не чини». Немногие из нас, однако, знают, что именно это составляет содержание кантова категорического императива, выраженного в словах: «поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом». И что более важно, нам не нужно этого знать, ибо в данном случае важно прежде всего действие, являющееся результатом теоретической формулы. Однако без самой формулы ни отдельное действие, ни постоянная расположенность к определенному роду деятельности, не могли бы стать сознательными и намеренными. Мы касаемся здесь исключительно важной проблемы, а именно образования или широко понимаемого воспитания детей, молодежи, а зачастую и взрослых. Чтобы осознать значимость суждений философии морали и философии вообще по этому вопросу, давайте проведем некий мысленный эксперимент. Предположим, что мы воспитаем несколько поколений, для которых основой человеческого будет

свойственная человеческому виду генетическая информация. Конечно, уже само определение, какие отрезки генетического кода являются конститутивными, а какие по тем или иным причинам могут различаться (ведь не все мы являемся блондинами, не все с рождения имеем по две руки и ноги), будет проблематично. Давайте, однако, не принимать во внимание эти трудности по причине их несущественности в данный момент. Предположим, что идентификация человека по генетической информации не составляет труда. Таким образом, основанием для возвышения человеческого вида является степень сложности его генетического кода и святая уверенность в том, что никакой другой вид не способен нас в этом обогнать. Мы – хозяева мира. А теперь давайте себе представим, что в один прекрасный день какой-нибудь биолог-«неудачник» открывает новый вид животных, это может быть даже единственный, последний живой экземпляр. Будучи человеком добрым, он делится своим открытием с коллегой-генетиком, позволяя ему даже провести исследование, которое к их общему удивлению показывает, что генетический код этого животного гораздо более интересен, более сложен, чем наш. Естественно, господа ученые поспешно отбросят такую возможность. Наверняка с такой же готовностью, с какой это делали их коллеги столетия назад, с полной уверенностью отрицая возможность вращения Земли или ее шарообразность. Возвратимся, однако, к нашему эксперименту. Вследствие такого открытия человек бесповоротно утрачивает свою привилегированную позицию. Он помещается в ряд, который ранее, как оказалось, возглавлял без всяких на то оснований. Хуже того, он не имеет никаких других критериев, которые позволили бы ему обрести собственную идентичность, исключительность, вследствие чего невозможно и требовать от него, чтобы он по крайней мере пытался поступать по-человечески. Философия является единственной областью, способной предоставить такой критерий, не ставя его в зависимость от изменяющихся условий опыта. Лишь она может дать опору удовлетворительной системе воспитания.

Для нашего времени характерно исключительное обострение конфликтов на религиозной почве. Приверженцы крупнейших мировых религий не могут найти общего языка, замечают лишь разделяющие их различия. Философия религии, рассматривая религиозные догмы, дистанцируется от их содержания, благодаря чему из ряда противоречий

умеет выделить общую платформу, которая способна стать основанием для будущего обретения согласия.

Молчание философии морали, угасание живого дискурса о ценностях приводит к ограничению нашего жизненного пространства, вариантов выбора, который мы можем совершить. Хайдеггер не ошибался, признавая границы языка границами нашего мира. Очевидна также убежденность в том, что необходимо устранять барьеры, разрушать пограничные стены, вместо того чтобы строить новые. Среди многих наполняющих мир созданий лишь те, которые мы способны назвать, о которых способны рассказать на нашем языке, действительно для нас существуют. Обогащая язык, мы расширяем пределы нашего мира. Знание названий миллионов окружающих нас бактерий для большинства людей абсолютно излишне, даже если ценой такого ограничения языка является обеднение мира на несколько миллионов этих бактерий. Их уход в забвение не причинит человеку слишком большого вреда. В случае ценностей дело выглядит совершенно иначе. Повторенное Хайдеггером вслед за Ницше предупреждение «пустыня растет» обретает опасный и почти катастрофический аспект. Виттгенштейн рекомендовал молчание всякой метафизической философии, потому что занимался не естественной формой языка, а его формализованной версией. Под влиянием его философии неопозитивистские мыслители предприняли попытки создания идеального языка науки. Эта концепция позволила им одержать «победу над метафизикой». Из самой природы языка науки вытекает невозможность затрагивать в нем какие бы то ни было метафизические проблемы. Походящим полем для их рассмотрения и существования является повседневно употребляемый нами естественный язык. Поскольку невозможно полностью заменить естественный язык языком науки, невозможно и убить метафизическую философию. Таким образом, становится несостоятельным предложение Виттгенштейна сделать анализ языка единственным объектом философии. Если появляется вопрос, касающийся самой сущности человеческого бытия, следует по крайней мере попытаться дать на него ответ. Следуя этим путем, Ясперс посчитал предметом как философии, так и религии и мифологии вопросы, выходящие за рамки фактов, ускользающие от непосредственного чувственного восприятия. Философия, являясь словом трансценденции, должна сохранить конституирующий человеческое бытие аспект мира от исчезновения.

Одной из самых существенных среди поднимаемых философии проблем является проблема свободы. Мы не можем, как утверждает Ясперс, считать ее предметом рационального познания, тесно связанного с детерминистскими категориями. Свобода состоит именно в приостановлении действия этих категорий. Всяким попыткам уловить ее эмпирически и исторически, в том числе политически, должна предшествовать метафизика свободы. Свобода сама конституируется прежде всего автономным человеческим существованием. Лишь в этой форме, независимой от внешних факторов, она может быть гарантирована. Началом свободы является чистое хотение, свобода воли, единственной мотивацией которой является она сама. Ясперс считает опасным признание свободной воли Божьим даром. Если бы это было так, все наши прегрешения были бы оправданы. Бог как трансценденция является объектом, на который направлены все акты нашей воли. Источником свободы, по Ясперсу, является совершенный человеком выбор и связанная с ним целиком лежащая на человеческих плечах ответственность. Следствием свободы является мораль; более того, одна из нравственных обязанностей – именно свобода. Пренебрежение свободой является злом. Я свободное существо, когда беру на себя ответственность и связанное с ней чувство вины. Я несу ответственность не только за собственные действия, но и за все эмпирическое зло на свете, а также за мою ограниченность в качестве несовершенного законченного бытия. Я должен сам себя осудить. Ища свободу, я создаю ее. Даже если предпринятое мною действие не увенчается успехом, источник моей свободы по-прежнему неограничен. Благодаря этому я могу быть свободным даже тогда, когда внешние факторы – политические, экономические или иные – сделают это для меня невозможным. Мое субъективное чувство свободы будет обуславливать действия, способные впоследствии привести к увеличению ее внешнего масштаба.

Несколько иначе подошел к проблеме свободы Ницше. Его свобода является не отсутствием несвободы, а неким положительным состоянием. Это свобода для чего-либо, а не свобода от чего-либо. Лишь в этой форме она обуславливает отсутствие несвободы. Ницше рассматривал как большую ошибку европейской мысли понимание свободы исключительно в политических категориях. «Упадок Европы проявляется в том, что она пренебрегла философским и культурным самосознанием и заменила его лишь политическим мышле-

нием. Политика уничтожает культуру и мысль. Узкому, политическому мышлению Ницше противопоставляет концепцию *большой политики*, которая является философским мышлением о Европе как об интеллектуально-культурном, а не политическом бытии» (С. 62). Подобно Ясперсу, Ницше обращал внимание на внутренний аспект свободы и тесно связывал ее с действием. Внешние институты не в состоянии дать нам свободу. Мы должны сами ее пожелать и затем добиться. Создавая себя, радостно, спонтанно, как это делают дети, придерживаясь при этом железной дисциплины, я добиваюсь полноты свободы и обуславливаю тем самым свое предназначение. Поступая таким образом, я дарю себе уважение и любовь. Чтобы уметь создавать свободу, нужно вначале развернуть над собой собственную волю как закон. Воля – единство прошлого и будущего. Настоящее – это встреча двух форм времени: прошлого, которое нам уже не принадлежит, и будущего, которое еще не наше. Воля объединяет в целое эти три отрезка времени. Мы достигаем освобождения благодаря действию, превращающему прошлое, настоящее и будущее в выражение воли. Мысль о вечном возвращении одного и того же предполагает нашу готовность пережить собственную жизнь во второй раз точно в такой же форме, которую мы придали ей ранее своей деятельностью. Это будет возможно лишь тогда, когда наше прошлое будет вполне произведением воли. Решения воли неизменны: того, чего она желала однажды, она будет желать всегда. Желание возвращения, которое воля выражает в отношении к прошлому, не имеет ничего общего с реальным повторением событий.

Кроме причинности законов природы, в мире существует еще и причинность, связанная со свободой. Среди неумолимо детерминирующих нас внешних условий мы умеем с помощью действия выработать место свободы. Ясперс и Ницше ставят во главе связанных со свободой проблем ответственность, то есть самоосуждение воли, являющееся признаком духовного благородства. Взятие на себя ответственности является одновременным согласием с санкциями, которые возникают в результате самооценки наших действий. Мы можем себя обожать или презирать. Никакое внешнее осуждение не может оказать на нас влияния столь же сильного, как наш внутренний суд над собой. Лишь он останется с нами навсегда. Лучшим советом, данным когда-либо человеку, я считаю ни-

щпеанскую мысль о вечном возвращении. Она гласит: «проживи свою жизнь так, чтобы ты мог принять вечное возвращение времени, чтобы твое прошлое не отрицало твоего будущего, чтобы настоящее было временем мира и чтобы мысль о его возвращении тебя не пугала» (С. 88).

Ханна Бучиньска-Гаревич ставит проблему возможности существования философии морали в современном мире. Как мы уже упоминали в начале, Виттгенштейн такую возможность отрицает, считая этическое находящимся за пределами языка. Далеко идущим следствием этой позиции была подмена философии морали метаэтикой, состоящей из анализа языка, норм и оценок, социологией морали или утилитаристским подходом. Все эти формы прикладной этики ведут к молчанию классической философии морали. Их объединяет отсутствие цели самой по себе. Таким образом, правда, добро и добродетель исчезают из нашего мира. Мы изменяем нашу духовную действительность, даже если нравственность наших действий не изменяется. «Ибо само использование некоторых понятий имеет какую-то креативную ценность. Без соответствующих понятий исчезает некая действительность, которой они касаются» (С. 109).

Следуя за Гартманом, Ханна Бучиньска-Гаревич считает, что только по отношению к добру и злу мы можем считать человека моральным субъектом, которому свойственна добродетель. Как качество, совершенство личности, она реализуется в ее поведении. Добродетель по своей природе имеет совершенно не инструментальный характер. Она является внутренним благом и, согласно утверждениям стоиков, единственной вещью, которой человека нельзя лишить, ибо она зависит от него самого. Мы хотим быть добродетельны не для того, чтобы служить другим людям или каким бы то ни было внешним целям, как светским, так и религиозным, но исключительно для самих себя. Стоики считали добродетель единственным путем, ведущим к счастью.

Со стоическим пониманием добродетели полемизировал Шелер. Добродетель, понимаемую как высшее благо, он считал исполненной греха гордыней. Он противопоставлял ей смирение.

Множественность добродетелей создает необходимость их иерархизации. Николай Гартман выделил основные и дополнительные добродетели. Первые являются добродетелями всеобщими, а вторые предназначены исключительно для субъек-

тов, наиболее совершенных нравственно. Основные добродетели характеризуются большей степенью обязательности, чем дополнительные. Основные добродетели определяют нравственный минимум, ниже которого опуститься невозможно. Противовесом этим добродетелям являются пороки. Как стоики, так и Шелер с Гартманом склонялись к тому, что от разных моральных субъектов следует требовать различных добродетелей. Одних от святого или гения, других от обычных людей. Лишь от наших собственных усилий зависит, на каком уровне мы окажемся.

Противоположностью элитаристскому пониманию является категорический императив Канта. Он уравнивал моральные субъекты, подчиняя их неизменному и всеобщему закону.

В понимании Аристотеля добродетель не просто свойственное человеку качество, это умеренность. Она является умением найти середину между двумя крайностями – такими, как скупость и расточительность, трусость и дерзость. Деяние в форме стремления к добродетели является ее интегральной частью.

Разные понимания добродетели в даже наиболее отличающихся друг от друга философских системах объединяет определение ее как морального блага. Хотя объективное бытие ценностей не зависит от нашего их восприятия, именно индивидуальное человеческое восприятие является обязательным условием их существования в человеческом мире.

Вслед за Бжозовским автор считает, что последним мыслителем, который глубочайшим образом проанализировал проблемы философии морали, был Ницше. Замечая растерянность современных ему европейцев, он обращал внимание на их неспособность создания собственной морали. Чтобы действовать, они должны спрятать лица под пестрыми масками. В понимании Ницше добродетель совершенно индивидуализирована, нет такого понятия, как общественная добродетель. Он считал невозможным построение морали с опорой на идею обязанности. Он допускал обязанность лишь в ее индивидуальном аспекте. Целью морали должен быть не запрет, а побуждение к действию. Ницше противопоставляет всеобщему моральному закону нравственный образец, пустым словам дела. Человеку, скрывающемуся под маской моральных норм, нравственного человека по своей сути. «Добродетель дарующая» является выражением натуры этого человека. Его готовностью «даровать», а не быть сдержанным. Даровать другому

мы должны не из жалости, а из любви. Чтобы уловить смысл добра и зла, моралист должен оказаться в пространстве, не подчиняющемся этим категориям. Таким образом он превращается в имморалиста. Но это ничуть не означает, что он обладает правом действовать произвольно. Мораль, понимаемая как явление историческое, эволюционирует, причем она является исключительно человеческим способом видения мира. Каждый человек и каждое время должны создать собственную мораль. Имморалист становится снова моралистом.

Ницше понимал человека как существо исторически изменчивое, лишенное постоянной эссенциальной природы. Растерянность человека со времен Ницше возросла многократно. Сегодня мы так же не знаем, что такое добро и зло. Нравственный нигилизм мы скрываем от самих себя, надевая маску внешней морали, морали рабов, как называл ее Ницше. Философ противопоставлял ей благородную мораль, то есть собственный путь каждого человека.

Мерилом человека, согласно Шелеру, являются ценности. Мы можем увидеть их лишь глазами любви. Существует универсум ценностей, частично открываемый субъективными этосами, первичный по отношению к ним и независимый от человеческих переживаний ценностей. Не человек является мерилем всего, как у софистов, а объективные ценности составляют его мерило. Ценности открываются и реализуются в эмпирическом мире лишь этосами. Порядок сердца определяет личный и общественный этос. Он является детерминантом отдельной морали. Степень доступа к объективным ценностям определяется индивидуальным развитием и силой эмоциональной жизни. Мораль исторически изменчива и относительна, зависима от степени усвоения ценностей. Каждая историческая мораль может быть подвергнута критике с точки зрения абсолютной логики сердца. Существует абсолютная иерархия ценностей. Ненависть является склонностью к низшим ценностям, любовь – стремлением вверх. Смирение, уважение облегчают доступ к миру ценностей. Его делает невозможным враждебность, духовное отравление, вытекающее из господства таких чувств, как чувство мести, ненависть, зависть. Это ведет зачастую к отрицанию ценностей, которыми индивид не обладает, к ненависти к самому себе. Личность является для Шелера центром актов любви, определенной гармонией сердца, представляющей собой ее нравственную ценность. Она исключительна и неповторима. Акт любви

открывает доступ к личности. Достоинство другого человека столь же первично, как и чувство собственного достоинства. Мы берем на себя ответственность, считая собственную гармонию сердца и волю определяющими наши деяния. Личность отвечает за нравственный уровень коллектива, все мы совместно отвечаем за других.

В современном мире, наполненном нравственным скептицизмом, «смысл *бытия ценностью* из авторитарного господства над человеком превратился в экспрессию случайных ощущений» (С. 150). Смысл ценностей подвергся деформации. Однако в силу этого рассуждения Шелера не только не потеряли ценности, но наоборот, обрели ее.

Роулз выступает против утилитаризма и защищает индивидуальную свободу и человеческое достоинство. Он пытается обосновать нравственные принципы, прибегая к понятию общественного договора. Принципы справедливости являются объектом первичного соглашения, заключенного руководствующимися собственными интересами рациональными личностями. Он выделяет два основных принципа справедливости. Во-первых, принцип справедливости, призванный обеспечить равные свободы. Во-вторых, принцип дистрибуции, определяющий наименее неравное распределение благ. Конечно, здесь идет речь не о фактическом уравнивании положения всех индивидов, а об открытии перед каждым из них равных возможностей. Первый из этих принципов является более основополагающим. Их принятие означает признание равенства всех членов общества. Свойство справедливости присуще, однако, лишь институту и при этом является его конститутивным свойством. Институтами являются политический строй, Церковь, семья, свободный рынок. Мою свободу ограничивает запрет на ограничение свободы другого человека. Роулз считает мерилom разума уменьшение риска и увеличение шансов на успех, а счастье и благополучие превращает в высшие ценности.

Сталкиваясь между собой, люди способствуют возникновению определенных нравственных ситуаций. Когда мы признаем личность другого человека, возникает то, что Бубер назвал *межчеловеческим*. Мы рассматриваем личность в ее единстве и единственности, считая ее целью самой по себе. Мы делаем это с помощью мистического диалога, который состоит в равной степени из говорения и слушания. Призыв и ответ на него. Я и ТЫ взаимообуславливаются, взаимосозидаются. Та-

кое соотносительное понимание человека возникает после поражения индивидуалистических и коллективистских пониманий. В диалоге человека с человеком реализуется контакт с Богом.

Иначе «межчеловеческое» понимает Левинас. Для него оно является не предметом знания, а реальностью существования. В утилитаристском понимании этика, по мнению Левинаса, является исключительно «смягчением эгоизма в интересах эгоизма» (С. 215). Величайшие массовые преступления новейшей европейской истории склоняют Левинаса к поиску новой концепции человека и этики. Основой этики он считает категорию встречи, непосредственную связь с бытием, отличным от моего. Второй человек – это ЛИЦО. Я не вижу его, а только слышу голос. Встреча означает слушание и говорение. Когда я выбираю равнодушие, я низвожу другого человека с уровня личности на уровень предмета. Поскольку этичность присутствует в факте нашего существования, равнодушие является нравственным злом. Субъективность вторична и достижима благодаря отнесенности к другому человеку также путем взятия на себя ответственности за другого. Созданная Левинасом парабола лица выражает прежде всего требование оказания помощи другому человеку, занятия в отношении его позиции надежного опекуна. Причем, что, возможно, наиболее важно, тот другой является просто лицом, не определен никакой подверженной манипуляциям дефиницией человека. Левинас таким образом исключает опасность выведения тех или иных групп за рамки общества. Смыслом человеческого существования является возможность сделать что-нибудь для другого человека. Я могу предоставить ему преимущество перед собой в выживании. Мое поведение при этом совершенно бескорыстно.

Как подчеркивает Ханна Бучиньска-Гаревич, общей целью Левинаса и Ницше, хотя они и шли разными путями, было уменьшение ненависти в мире.

Ясный или путаный стиль являются главными факторами, отталкивающими или склоняющими к углублению знания предмета. В случае большинства философских источников форма представляет собой непреодолимое препятствие для их распространения. Впрочем, если бы все вдруг почувствовали философское призвание, людям вскоре нечего было бы есть и не во что одеться, и они в скором времени исчезли бы с лица земли. Полная принадлежность знаний философской пробле-

матики небольшой группе людей имеет, как мы уже показали, равно губительные последствия. Философия приносит самые обильные плоды тогда, когда проникает в общественное сознание спонтанно. Первым шагом на пути к этому являются книги, подобные «Молчанию и слову философии». Их главные положения, подхваченные читателем, становятся элементом общественного сознания и верным всеобщим законом.

Замыслом автора был показ некоего фрагмента философской моральной рефлексии и на его фоне единства, значимости, неповторимости философского диалога и границ, с которыми он может встретиться. Ханна Бучиньска-Гаревич, рассуждая ясно и логично, позволяет читателю с легкостью понять и усвоить представляемое содержание и выработать собственное отношение к нему. Представляя взгляды отдельных мыслителей, она представляет также свою позицию.

Единственным упреком, который я могу сделать по адресу этой книги, являются опечатки. Во время чтения складывается впечатление, что корректор время от времени засыпал над текстом. Например, на страницах 37-40 обнаруживается по меньшей мере семь ошибок. Из одного предложения на странице 40 можно узнать, что «*вол* существует путем желания, то есть желает себя, желает желания». Нетрудно догадаться из контекста, что речь идет о *воле*, а не *воле*. Однако это слово неосознанно вызывает ассоциацию с животным, и возникает неуместный комический эффект. Слово «кантовский» несколько раз появляется в форме «каневский», что уже менее занимательно и более ошибочно. Подобное введение в заблуждение тем более нежелательно, что мы имеем дело с философской работой. Такой работе, как известно, важно не противоречить истине. Подобных мест и потешных ошибок в работе гораздо больше. Неплохо было бы, если бы издатель, перед тем как выпустить книгу в свет, снабдил ее перечнем обнаруженных опечаток.

Смысл работы г-жи Ханны Бучиньской-Гаревич лучше всего можно выразить словами Виткацы, которые перефразируют совет Виттгенштейна: «О чем нельзя молчать, о том надо говорить»¹. От всей души подписываюсь под этим.

Яцек Углик

---

¹ St.I. Witkiewicz, *Jedynie wyjście. Dzieła wybrane*, t. 2, Warszawa 1985, s. 368.

Elisabeth Guigou, *Je vous parle d'Europe*, Seuil, Paris 2004, 336 p.

Обращаясь к книге *Je vous parle d'Europe*, следует прежде всего упомянуть, кем является автор этой публикации. Э. Гижу занимала в прошлом разные административные должности. Была министром по европейским делам в период переговоров по разработке окончательной формы Маастрихтского договора, депутатом Европейского парламента в 1994–1997 гг., а также министром труда и солидарности в кабинете Л. Жоспена, сегодня является депутатом Социалистической партии в регионе Сен-Сент Дени.

Уже само заглавие книги, которое можно перевести как «Я расскажу вам о Европе», указывает на ее очень личный характер, но одновременно в самой книге содержатся прямо выраженные мнения и постулаты. Э. Гижу начинает книгу со слов «Европа вызывает у меня боль» (С. 9), словно не только она является элементом Европы, но и наоборот – Европа тоже является ее частью, что звучит так, как будто речь идет о больной голове или желудке. Это и предвещает тон, в котором книга написана. Гижу сожалеет об уходящих в прошлое идеалах, в духе которых она росла и которые сформировали ее как политика, активно включающегося в процесс углубления европейской интеграции. По ее мнению, альтернативы для процесса интеграции не существует. Это обязательное условие сохранения мира на свете, потому что отсутствие воли интеграции в Европе, а вследствие этого отсутствие самой интеграции на международной арене угрожает бесконечным противостоянием мировых держав. Гижу признается в том, что в своем понимании Европы долго сторонилась политики. Не признавала до конца значения институтов, прав и свобод, которые вытекали из сотрудничества государств-членов. Европу она не воспринимала как мирный континент, война была лишь эхом прошлой эпохи. Европу составляли книги, кинофильмы, поездки... И только сотрудничество с Жаком Делором и Франсуа Миттераном убедило ее в значении интеграции.

Кризис, который переживает сегодня Европейский Союз, несмотря на окончание эпохи разделов в Европе, склонил автора к анализу ее истории, что должно помочь привести к выводам, необходимым для создания общего европейского проекта сотрудничества, как соответствующего ожиданиям граждан, так и не противоречащего обусловленностям международной политики.

Книга имеет хронологическую композицию и состоит из трех частей. В первой, имеющей многообещающее заглавие «Европейское приключение», Э. Гижу прослеживает судьбу европейской интеграции, начиная с ее истоков до момента введения общей валюты евро и образования Совета Европы в Ницце. Она весьма патетически начинает с сопоставления с античностью, цитирует миф о похищении Европы, затем быстро переходит к средневековью, ренессансу и наполеоновской эпохе, чтобы тут же оказаться в XX в. Это схематически изложенные факты, правда, с большим темпераментом и языковой легкостью, которые, однако, каждому читателю, пусть даже в небольшой степени интересующемуся историей европейской интеграции, могут показаться скучными. При всем этом великолепно читаются те фрагменты, в которых описан личный опыт периода, когда Гижу была членом правительства Франции и Европарламента. Мы находим здесь много анекдотов и сюжетов, описывающих поведение политиков, принимающих участие в процессе формирования европейской интеграции. Одной из самых колоритных фигур является премьер-министр Соединенного Королевства Великобритании Маргарет Тэтчер, которая в «борьбе» с немецко-французским тандемом во время саммита в Фонтенбло употребила в качестве «оружия» пудреницу и стакан виски (С. 57).

Во второй части, озаглавленной «Новый разворот для Европы» автор ищет причину проблем, «немощи», которые истощают Евросоюз. Систематический анализ вопросов из области экономики, общественных проблем и безопасности дает образ масштабности проблем, с которыми сталкивается Евросоюз. В то же время диагноз автора указывает на возможные пути разрешения проблемы безработицы или малого экономического роста. Однако прочтение этой части вызывает у читателя впечатление, что, несмотря на многие предложенные решения, мы по-прежнему бессильны. Это каталог постулатов, внедрение которых в жизнь представляется малореальным и касается в особенности постулатов, содержащихся в последней главе этой части – «Европа – мировой актор». Здесь очень отчетливо видны также левые взгляды Гижу. Одновременно следует отметить, что она права, когда говорит, что если Евросоюз хочет избежать американского унитаризма в области безопасности, то сам должен доказать, что он в

состоянии сохранить безопасность не только у себя, но и за своими пределами.

Последняя, третья часть, озаглавлена «Эффективно построим великую Европу». Гижу рассматривает в ней вопросы, которые сегодня являются объектом дебатов, надежд, а также опасений в Евросоюзе. Их четыре: расширение, Договор по Конституции Европы, неравные темпы интеграции и политика соседства. В связи с принятием в Евросоюз государств Центральной и Восточной Европы самым главным для Гижу является экономический шок, который ждет новые государства-члены или который они уже переживают. Неоконченный процесс системной трансформации в этих государствах в сочетании с принятием в Евросоюз вызывает дестабилизацию, которая прямо-таки может угрожать политике сообществ. С другой стороны, есть и многие преимущества расширения Евросоюза до 25 стран, однако успех зависит от двух условий – создания нового проекта сотрудничества в Европейском Союзе и принятия Конституции (С. 265). Проект Конституционного договора, подготовленный Европарламентом, не является проектом, под которым подписался бы автор книги. Желательно, по его мнению, чтобы возник пополненный проект, подготовленный Партией европейских социалистов (*PSE*), в котором оказалось бы имя кандидата или кандидатки на должность председателя Комиссии. Эта идея представляется малоуниверсальной и очень малореальной. Гижу горячо поддерживает идею «европейского авангарда» или «французско-немецкого мотора», которому она посвящает целую главу. Интересно описанная и обоснованная идея французско-немецкого сотрудничества вызывает рефлексию на тему разногласий в Евросоюзе, о которых Гижу упоминала выше. Нет ничего удивительного в том, что она, будучи свидетелем возникновения «пары Миттеран – Коль», постулирует такую модель углубления интеграции (С. 294). Оба лидера, благодаря взаимному доверию, пониманию друг друга, а также умению согласовывать противоречивые порой интересы, стали авторами многих инициатив, которые имели успех. Последней темой является политика соседства. Эта очень актуальная проблематика изложена в книге очень схематически. Попытка определения границ Европейского Союза сводится к анализу очередных расширений, в особенности турецкий вопрос указывает на критерии, которыми руководствуется Гижу. Одновременно она делает упор на развитие

сотрудничества с государствами, названными в документах, дефинирующих Европейскую политику соседства. Для нее имеет большое значение сохранение и постепенное укрепление взаимоотношений – как экономических, так и политических – с южными и восточными соседями Евросоюза. Они должны опираться на принцип партнерства и не должны ограничиваться единственно образованием сферы свободной торговли. Финансовая помощь со стороны Евросоюза должна предлагаться с большой осмотрительностью, ибо его малая эффективность имеет свои корни прежде всего в политике.

В заключение Гижу утверждает, что «Европа должна стать мировым актором, чтобы не изменить своей истории». А это возможно лишь тогда, когда «она докажет, что ее экономический потенциал будет служить политике» (С. 327), а это произойдет благодаря убеждениям, стойкости и активности европейских социал-демократов, представительницей которых она является. Книга Э. Гижу является очень эмоциональным изложением модели европейской интеграции, которую автор испытал на себе и по которой тоскует. При чтении таких воспоминаний и рефлексий возникает впечатление, что был упущен шанс на наиболее успешную форму развития Европейского Союза, о чем не без горечи сообщает автор, пытающийся все же изложить свои пути оздоровления ситуации. Несмотря на недостатки, повторения, временами слишком эмоциональный стиль, книга заслуживает внимания. Она является словом опытного политика в дискуссии о будущем Европы.

Катажина Сохацка

Claus Leggewie (Hg.), *Die Türkei und Europa. Die Positionen*, Surkamp Verlag, Frankfurt am Main 2004, 343 S.

Проблема интеграции Турецкой Республики в Европейский Союз в настоящий момент является одним из основных вызовов для объединенной Европы. Председатель Еврокомиссии Хосе Мануэль Барросо справедливо заметил, что перспектива членства Турции в ЕС – совершенно уникальный случай, и его невозможно сравнивать с вступлением в ЕС других государств.

Впервые мусульманская страна, значительная часть которой находится в Азии, имеет реальную возможность стать членом ЕС.

Членство Турции в ЕС в течение многих лет представляет собой предмет оживленных дискуссий. Дебаты на эту тему с участием политиков, ученых, журналистов и публицистов, а также деятелей культуры развернулись в 1990-е гг., вскоре после того, как данное государство подало заявку на вступление в Европейские Сообщества (14 апреля 1987 г.). Они ведутся как внутри страны, так и в международном масштабе. Особенно бурная дискуссия идет в Германии, стране с почти 3-миллионным турецким меньшинством.

Данная дискуссия представлена в интересной книге под названием *Die Türkei und Europa. Die Positionen* («Турция и Европа: позиции») под редакцией проф. Клауса Леггеви, изданной в 2004 г. в немецком издательстве *Suhrkamp*. Профессор К. Леггеви, немецкий политолог из Гисенского университета, собрал в этой ценной публикации около 45 статей и эссе (полные версии и фрагменты), представляющих разные мнения в дискуссии относительно проблем, связанных с интеграцией Турции в ЕС. Они были опубликованы в 2002-2004 гг. в немецких, (швейцарских) изданиях „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, „Süddeutsche Zeitung“, „Die Welt“, „Frankfurter Rundschau“, „Neue Zürcher Zeitung“, а также немецком еженедельнике „Zeit“, который особо выделяется в обсуждении темы Турции и ЕС. Этот список дополняют статьи из немецких научных периодических изданий: „Blätter für deutsche und internationale Politik“ и „Südosteuropa Mitteilungen“, публикации Фонда «Наука и политика» (Stiftung Wissenschaft und Politik), доклад Amnesty International Deutschland, а также семь оригинальных текстов, специально подготовленных для данной публикации. Некоторые сомнения вызывает размещение в сборнике статьи из еженедельника „The Economist“, не вписывающейся в немецкую дискуссию. В то же время здесь отсутствуют тексты из журнала „Internationale Politik“, на страницах которого также велась дискуссия по теме Турции и ЕС. В число приглашенных к участию в настоящей публикации авторов статей входят ученые из разных сфер науки, журналисты и публицисты, писатели и политики, в большинстве своем немцы или турки.

Структура сборника понятна не до конца. Собранные в нем статьи распадаются на четыре основных раздела, а внутри - на семь тематических блоков, являющихся подразделами. Принцип вычленения разделов не вызывает особых возражений.

Основные разделы посвящены важнейшим проблемам и касаются Европы и ее ценностей (раздел I), копенгагенских критериев, которым должна соответствовать Турецкая Республика (раздел II), Турции из внутренней перспективы и в европейском контексте (раздел III), а также в международном масштабе (раздел IV). Не вполне удачным, однако, представляется разделение на блоки, поскольку в его основе отсутствует единый, обобщающий критерий. Некоторые подразделы были выделены исходя из тематического (объектного) критерия, т. е. они посвящены конкретной проблеме в процессе интеграции Турции и ЕС (напр., европейской идентичности). Однако ряд других блоков выделен с учетом субъекта, т. е. исходя из того, кто является автором той или иной статьи (напр., немцы). В то же время позитивной оценки заслуживает введение к каждой из частей, в котором профессор К. Леггеви кратко, но по существу представляет проблему, находящуюся в центре данного блока, ценными представляются также аналитическое вступление и весьма удачное заключение сборника, автором которых является этот немецкий политолог.

Недостатки в структуре сборника никак не влияют на оценку содержания статей. В публикации собраны тексты, освещающие все базовые проблемы, связанные с интеграцией Турции и ЕС. Первый тематический блок, озаглавленный «Где кончается Европа», затрагивает необычайно важную проблему границ Европы, а также расширения Европейского Союза. Эта часть прекрасно отражает суть дискуссии по данной проблеме, поскольку содержит тексты, касающиеся как культурного и политического, так и географического ее аспектов. Необходимость четкого определения границ Европы и ЕС является одним из основных постулатов противников членства Турции в ЕС и дальнейшего расширения ЕС. По их мнению, Турция не входит в Европу, а идентичность турок несовместима с европейской идентичностью. Этому мнению придерживается и Лоренц Ягер, редактор „Frankfurter Allgemeine Zeitung“. По его мнению, Турция, будучи мусульманской страной, никогда не входила в «культурную карту» Европы, в основе которой лежит иудео-христианская традиция. Иной точки зрения придерживается Кольт Тойбин, ирландский писатель, который подчеркивает культурную разнородность Европы и отстаивает тезис об отсутствии общей европейской идентичности. Хотя многие противники вступления Турции в ЕС подчеркивают роль географических границ – 97% территории

Турции расположены на азиатском континенте, немецкий профессор географии Ганс-Дитрих Шульц в своей оригинальной статье доказывает, что восточная граница Европы никогда не была четкой. Г.-Д. Шульц дает интересный обзор концепций, отвечающих на вопрос, где расположен восточный фланг Европы.

Тематику первого блока продолжает вторая часть под названием «Европейская идентичность». Здесь следует обратить внимание на удачный выбор статей двух известных немецких ученых, которые принимают активное участие в обсуждении темы Турции и ЕС. Первым из них является Ганс-Ульрих Велер, профессор всеобщей истории (ныне на пенсии) из Университета г. Билефельд, убежденный противник членства Турции в ЕС. Как он считает, вхождение Турции в ЕС будет означать размывание европейской идентичности, а также смерть идеи европейской интеграции и распад ЕС (в соответствии с теорией Пола Кеннеди о «превышении возможностей роста империи», англ. *imperial overstretch*). Г.-У. Велер называет также ряд других аспектов, которые принадлежат к числу стандартных аргументов противников членства Турции в ЕС. Евросоюз не в состоянии принять Турцию – после ее присоединения он превратился бы в сферу свободной торговли. Турецкая Республика не может стать членом ЕС, поскольку это слишком большая и многочисленная мусульманская страна со слабой экономикой и миллионами безработных турок, которые могут ринуться на рынок труда в ЕС. У Турции нестабильные соседи, а ее государственное устройство базируется на догмах кемализма, который по многим своим параметрам противоречит принципам демократии. Вторым из названных ученых является представляющий Стамбул Гюнтер Зойферт, автор многочисленных публикаций, прежде всего на тему политического исламизма в Турции, сторонник членства Турции в ЕС. Согласно его мнению, Турция имеет для ЕС принципиально важное значение, особенно если речь идет о его внешней и энергетической политике. Г. Зойферт указывает на то, что в истории Европы также было немало темных страниц. Национализм, один из основных принципов кемализма, это европейское изобретение. В то же время автор подчеркивает, что отмечается прогресс в деле совмещения этого элемента с принципами демократии (реформы, связанные с использованием курдского языка в средствах массовой информации и образовании). В Турции, кроме того, преобладает

умеренный исламизм, не представляющий угрозы для турецкой демократии.

В третьем блоке, озаглавленном «Демократия и религия», содержатся статьи, посвященные роли ислама в Турции и его влиянию на государственное устройство. Эта часть прекрасно отражает всю сложность проблемы. Третий подраздел включает статьи, затрагивающие вопрос о том, является ли Евро-союз «христианским клубом», а также проблемы светскости, совместимости ислама и демократии, в том числе статуса религиозных меньшинств в Турции. Карл-Йозеф Кушел, профессор теологии из Тюбингенского университета, отмечает злоупотребление понятием «христианской идентичности» Европы, что делает обоснованными упреки в создании «христианского клуба» в ЕС, а политолог из Мюнхена Армин Адам справедливо отмечает, что в турецком случае слишком активное внедрение принципа светскости небезопасно, поскольку может привести к нарушению принципов демократии. Марк Симонс в своей статье во „Frankfurter Allgemeine Zeitung“ поднимает часто возникающий в этой связи вопрос о будущем демократии в Турции, где правящей является Партия справедливости и развития (АКР), которая имеет исламские корни. В свою очередь, Яшар Нури Озтюрк, профессор теологии из Стамбульского университета, указывает на страницах еженедельника „Zeit“ на элементы ислама, совместимые с принципами демократии (это прежде всего *шура*, механизм консультаций и контроля за действиями правящей элиты). Райнер Герман, журналист из „FAZ“, анализирует все более часто обсуждаемую в ЕС проблему нарушения прав религиозных меньшинств в Турции. Основные нарушения отмечены в сфере прав собственности, прав отправления религиозного культа, а также ведения просветительской и культурной деятельности религиозными обществами.

Четвертый блок под названием «Экономика и права человека» содержит тексты, касающиеся соответствия Турции экономическим и политическим критериям, сформулированным в Копенгагене. Принимающий активное участие в дискуссии Райнер Герман отмечает турецкие реформы, проводимые с целью создания эффективно работающей рыночной экономики, а также повышения конкурентоспособности государства. Он подчеркивает, что Турция добилась значительных успехов в деле преодоления последствий финансового кризиса 2001 г. Доклад *Amnesty International Deutschland*, как и многие другие

доклады, например, Еврокомиссии, посвящен проблемам Турции в ходе демократизации. На первый план выдвигаются нарушения прав этнических меньшинств (главным образом курдов), а также личных прав и свобод граждан (напр., проблема пыток и применения силы представителями органов общественного правопорядка). Удачным следует признать включение в данный раздел книги сокращенной версии статьи проф. Хайнца Крамера, сотрудника Фонда «Наука и политика», известного немецкого специалиста по турецкой проблематике. Проф. Х. Крамер в своей объективной аналитической статье подвергает критике аргументацию обеих сторон в дискуссии по поводу членства Турции в ЕС. Согласно его мнению, сторонники вступления Турции в ЕС, в частности, излишне преувеличивают роль Турции как «моста» между ЕС и регионами-соседями данной страны по Босфорскому проливу, в то время как противники представляют подсчеты, касающиеся затрат ЕС в связи с вхождением в него Турции или миграции рабочей силы в Турции, не учитывая будущего развития ситуации. Еще более уместным было бы, однако, размещение на страницах сборника другой публикации того же автора, в которой речь непосредственно идет о выполнении Турецкой Республикой копенгагенских критериев и рассматриваются проводимые в стране реформы.

Пятый подраздел под названием «Немецкая дискуссия», а также шестой, озаглавленный как «Мнение турок и немецких турок», знакомят с позициями и аргументацией, используемой в дискуссии по поводу членства Турции в ЕС представителями немецкой и турецкой стороны. Следует подчеркнуть, что с обеих сторон участники дискуссии были отобраны весьма удачно. С немецкой стороны в числе сторонников вступления Турции в ЕС оказываются, в частности, Герффрид Мюнклер, политолог из берлинского Университета Гумбольдта, а также Михаэль Турманн, редактор „Zeit“ в Гамбурге, в то время как основными противниками вступления Турции в ЕС являются историк Генрих А. Винклер, а также бывший канцлер Германии Гельмут Шмидт. Именно они явились авторами целого ряда публикаций на тему вступления Турции в ЕС. В отобранных для данного сборника статьях содержатся аргументы за и против членства Турции в ЕС. М. Турманн указывает на длительное присутствие Турции и ислама в Европе, перечисляет турецкие реформы, доказывающие, что данное государство разделяет демократические ценности, а также отмечает роль

Турции как политического, экономического и культурного «моста» между ЕС и соседями Турции. Г. Мюнклер подчеркивает значение Турции как фактора стабильности на флангах ЕС. Это, по его словам, важный элемент для любой «империи»². В свою очередь, Г.-А. Винклер усматривает возможность «третьего пути», так называемого «привилегированного партнерства» Турции и ЕС, концепции, поддерживаемой ХДС/ХСС³. По мнению автора, Турция – это государство, в котором осуществлена принудительная секуляризация, у него нестабильные в политическом отношении соседи. Вхождение Турции в ЕС приведет к краху идеи создания политического союза. Евросоюз просто не в состоянии принять такую большую и многонаселенную страну. Г. Шмидт также выступает против вступления Турции в ЕС и указывает на отсутствие ассимиляции мусульман в Европе, отмечает конфликты Турции с соседями (напр., с Арменией), слишком сильное влияние военных в этом государстве, а также проблемы, связанные с допуском турок на рынок труда в ЕС. Он является приверженцем так называемой «теории домино» (определение, употребленное в связи с Турцией уже упоминавшимся Г. Крамером в беседе с автором настоящей рецензии) и считает, что вступление Турции в ЕС будет означать, что нельзя отказать в членстве в ЕС государствам Северной Африки или Украине.

Турецкую сторону в дискуссии представляют авторы публикаций в немецких изданиях; для этого были отобраны соответственно, с одной стороны, статьи сторонников вступления Турции в ЕС: Мехмета Али Биранда, журналиста и публициста, сотрудничающего с рядом турецких газет, автора серьезных монографий на тему роли армии в Турции, а также профессора Фарука Шена, директора Центра турецких исследований в немецком г. Эссен, а с другой стороны – эссе противника вступления Турции в ЕС Хасана Унала,

² Понятие «империи» используется немецким ученым в статье, датированной декабрем 2004 г. Ср. Н. Münkler. *Europas Imperiale Herausforderung // Blätter für deutsche und internationale Politik*, 12/2004, S. 1462-1464.

³ Немецкие ХДС и ХСС (CDU и CSU) выступают против членства Турции в ЕС, в то же время его поддерживают правящие партии: SPD и Зеленые. Тема немецких политических дебатов по вопросу о вступлении Турции в ЕС обсуждается в концептуальной статье: *Die deutsche Haltung zum Beitrittsbegehren der Türkei*, автором которой является К. Легтеви; она помещена в пятой части сборника.

профессора международных отношений в Университете Билькент в Анкаре. Мнение названных авторов хорошо различимо в дискуссии в турецко-, англо- и немецкоязычных средствах массовой информации. М.А. Биранд отмечает, что государства ЕС не имеют права отталкивать Турцию, которая в течение длительного времени демонстрирует свое стремление к интеграции в европейские структуры. В свою очередь, Ф. Шен представляет аргументы в пользу присутствия Турции в Европе. Помимо начала процесса интеграции в западные структуры, он указывает на наличие более чем 3,5-миллионного турецкого меньшинства, проживающего в государствах ЕС, около 13 млн. мусульман в ЕС, отмечает, что турецкая правовая система базируется на европейских образцах, и утверждает, что Турция разделяет западные ценности, связанные с рационализмом и гуманизмом. В свою очередь, по мнению проф. Г. Унала, нужно ясно сказать, что вступление Турции в ЕС не решит турецких проблем. Анкара в ходе переговоров вынуждена будет пойти на новые уступки, финансовой помощи придется ждать долго, а вступление в ЕС принесет экономические потери, в частности, в сфере торговли. Поэтому турецкий исследователь выступает за партнерство Турции в ЕС, базирующееся на договоре о свободной торговле.

В заключительной части, озаглавленной «Между всеми ступеньками?», речь идет о внешней политике Турции. Прекрасно, что в настоящем сборнике есть статьи, затрагивающие данную тему, поскольку она представляет собой весьма существенный аспект дискуссии о членстве Турции в ЕС. В данной части помещены тексты, посвященные как теме соседей Турции, отношениям данного государства с США, так и позиции Турецкой Республики в ходе войны в Ираке. Излишним представляется включение в сборник второй статьи Г. А. Винклера, поскольку высказанный в ней аргумент о нестабильных соседях Турции появляется уже в первом тексте данного немецкого историка. Кроме того, в заключительной части этой же теме посвящена очень хорошая статья известного политолога из Мюнхена, проф. Вернера Гумпеля. Он представляет обзор отношений Турции с Грузией, Азербайджаном, Арменией, Ираном, Ираком и Израилем. Автор подчеркивает их непростой характер, особенно в тех случаях, когда они отягощены грузом исторического прошлого. Турция сталкивается с проблемой, с одной стороны, налаживания нормальных отношений с соседями, а с другой стороны – поддержания

хороших отношений с США, Россией и ЕС. Особую ценность, учитывая оригинальный подход к данной теме, представляет статья проф. Чаглар Кейдера из Университета в Бингамптон (Нью-Йорк) и Босфорского университета в Стамбуле. Этот турецкий социолог производит вдумчивый анализ динамики отношений Турции с США, а также с европейскими государствами. Он обращает внимание на процесс, наблюдаемый после II мировой войны, состоящий в постепенном установлении равновесия в контактах Турции с Америкой и Европой.

Сборник статей дополняют приложения, которые могут вызвать определенные вопросы. Комментарий к картине Зеки Фаика Изера *Inkilap* (Революция), календарь европеизации Турции, основные сведения о стране, две карты Турции, таблица со сведениями о турецких политических партиях, результаты опросов немецкого общественного мнения на тему Турции, а также справочные материалы, касающиеся литературы, интернет-ресурсов, источников текстов, а также их авторов, представляют собой вспомогательный материал, облегчающий чтение сборника. Однако их состав представляется неполным, а у читателя может сложиться впечатление, что основная часть приложений отобрана совершенно случайно.

Несмотря на указанные недочеты, настоящее издание следует признать заслуживающим внимания и всяческих рекомендаций. Оно будет полезным для тех, кто занимается турецкой проблематикой или вопросами европейской интеграции, но может заинтересовать и тех, у кого совершенно другие интересы. Книга дает полное представление о дискуссии в Германии по поводу членства Турции в ЕС, которая в значительной степени отражает общеевропейские дебаты. Своим потенциальным польским читателям она помогает осознать, что в польских средствах массовой информации данная тема вообще не поднимается. Это весьма прискорбно, поскольку она касается проблем, которые должны заботить всех европейцев. Таким образом, необоснованным следует признать утверждение, что данная тема интересует немцев только потому, что в Германии присутствует значительное турецкое меньшинство. Чтение обсуждаемого сборника позволяет, кроме того, задуматься над тем, что представляет собой Европа, с другой стороны, она приближает к нам образ Турции и ее «европейского пути», а также образ ислама, религии, доминирующей в данной стране.